

ГЕРОИ И СЮЖЕТЫ КИТАЙСКИХ СКАЗОК

Однажды китайский философ Чжу Си спросил своего ученика: откуда пошел обычай называть года по двенадцати животным и что в книгах про то сказано? Ученик, однако, ответить не смог, хотя упоминания о системе летосчисления по животным в китайских источниках встречаются с начала нашей эры.

Не знал ученик и легенды, которую рассказывали в народе. По легенде этой, записанной в приморской провинции Чжэцзян, счет годов по животным установил сам верховный владыка — Нефритовый государь. Он собрал в своем дворце зверей и выбрал двенадцать из них. Но жаркий спор разгорелся, лишь когда надо было расставить их по порядку. Всех обманула хитрая мышь, сумев доказать, что она самая большая среди зверей, даже больше вола. Сказкой «О том, как по животным счет годам вести стали» и открывается наш сборник.

Найти объяснение, почему счет годам начинается с мыши, пытались не только китайцы. Еще в XI веке, за сто лет до Чжу Си, знаменитый составитель первого словаря тюркских наречий Махмуд Кашгарский записал тюркскую легенду о том, как некий царь повелел согнать к реке зверей и посмотреть, кто из них быстрее переплывет на другой берег. Первой оказалась мышь. Вслед за ней приплыли вол, барс, заяц, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, курица,

собака и свинья. В таком порядке-де и дали названия годам двенадцатилетнего цикла, чтобы легче было их запомнить.

В тюрко-монгольской легенде, известной бурятам и киргизам и более близкой к китайской, мышь тоже перехитрила всех зверей. Очень возможно, что весь животный цикл китайцы заимствовали у древних тюрко-монгольских племен. Только, в отличие от них, у китайцев исчисление времени по животным никогда не носило официального характера. Им пользовались гадатели, вычисляя, например, по специальным таблицам, будет ли счастливым брак, если жених родился в год Обезьяны, а невеста — в год Овцы. С животным циклом связаны и некоторые китайские поверья и обычаи: рожденный в год Петуха не должен был есть курятину.

Предположить, что весь животный цикл китайцы заимствовали у своих соседей, можно также, сопоставив древнекитайские представления о животных со средневековыми.

Как и легенда о животном цикле, другие сказки о животных, записанные у китайцев, построены на объяснении особенностей животных, происхождения их повадок или внешнего вида. В них рассказывается, почему враждуют собаки и кошки, почему краб сплюснутый или отчего гуси не едят свинины.

На смену такого рода сказкам, именуемым в науке этиологическими, приходят забавные истории о проделках зверей, хитрости и находчивости зверя малого перед зверем большим, который по сказочной логике непременно оказывается в дураках. Вспомните хотя бы нашу знаменитую Лису Патрикеевну, которая одурачивает волка, медведя и льва, или хитрого зайца — фольклорного героя африканцев и жителей Юго-Восточной Азии. У китайцев, однако, циклы сказок о хитроумных проделках зверей не сложились, поскольку развитие сказок о животных у них приостановилось, видимо, еще в древности. Во всяком случае, в каталоге китайских сказок, составленном немецким ученым В. Эберхардом в 1937 году, значится только семь сюжетов о животных. Сейчас, благодаря записям последних лет, эту цифру можно увеличить в три-четыре раза. Малочисленность сказок о животных в Китае, пожалуй, связана с чрезвычайно ранним

переходом китайцев к земледелию и забвением охотничьего промысла, а также с бедностью фауны в Китае, где в густонаселенных районах нет невозделанных земель, а уж лесов и подавно.

Немногие сохранившиеся у китайцев сказки о животных дошли до нас в сильно измененном виде. Как ветер веками выветривает песчаники и наносит по крупинке новую землю, так и время разрушало и меняло древнюю основу многих сюжетов. Фантастическое заменялось привычным, на смену чудесному приходило обыденное. Как изменялся сюжет, проследим хотя бы на сказке про собаку и кошку. Китайский вариант этой сказки («Как собака с кошкой враждовать стали»), помещенный в данном сборнике, уже осовременен: у бедняков пропало сокровище, его украл торговец. Собака и кошка решили помочь хозяевам и отправились на поиски. Жил торговец за рекой, а поскольку кошки не умеют плавать, собаке не только пришлось тащить кошку на себе, но и нырять за ларчиком, который та уронила в реку на обратном пути. По возвращении кошка приписала все заслуги себе. С тех пор и пошла между ними вражда.

Древнюю основу сюжета можно восстановить, если сопоставить разные его версии. Наиболее архаичный вариант записан у монголов. В монгольской сказке кот и пес похищают сокровище у самого владыки подземного царства, куда добираются через море. В древние времена считалось, что подземное царство отделено от мира людей водой. В более современном варианте, записанном у родственного китайцам народа мяо, живущего на юго-западе Китая, вместо владыки подземного царства фигурирует какой-то царь, чьи владения расположены за рекой. Китайский вариант сохраняет как бы ту же самую схему сюжета: звери переправляются за реку, где живет похититель (или владелец) сокровища. Но здесь он уже не владыка подземного царства, а простой торговец.

Широко распространены в Китае сказки о тиграх — похитителях девушек. Тигр почитался китайцами как царь зверей. К празднику начала лета в Китае специально шили обереги — мешочки или подушечки для ароматных и ле-

карственных трав, чаще всего им придавали форму тигра. Считалось, что тигр оберегает детей от гадов и ядоносов, которые во множестве появляются в начале лета. Причем на лбу у игрушечного тигра непременно рисовали тушью знак «ван» — «царь». Согласно древним воззрениям, тигр, как тотемный зверь, имел право на брачные отношения с людьми «своего племени». На бронзовом сосуде конца второго тысячелетия до нашей эры, например, изображен человек в могучих объятиях тигрицы. Сюжет о тигре, который взял в жены женщину, был популярен также и в средневековой сказочной новелле. В сказках, записанных в наше время, сюжет этот уже видоизменен. Например, в сказке «Как тигр невесту украл» тигр похищает невесту из свадебного паланкина, но так и не ясно, стала ли она его женой.

* * *

Наибольшее место в сказочном репертуаре китайцев и, соответственно, в данном сборнике занимают волшебные сказки. Они распадаются на отдельные циклы: повествования о похищении невесты и о вызволении ее из иного мира, о женитьбе на чудесной жене и сказки о том, как обездоленный герой берет верх над злыми родичами.

В древнейший из этих циклов входят повествования о поисках исчезнувшей невесты¹: «Как юноша любимую искал», где героиню похищает злой оборотень, и «Сказка про хитрого У-гэна и верного Ши-е», где возлюбленную дровосека уносит Черный орел. Вспомним, что и в русских сказках невесту или жену героя часто похищают Змей, Кощей или Вихрь, которые в представлении древнего человека были связаны с потусторонним миром, и похищение ими девушки воспринималось как нарушение обычая брать жену только из своего рода или племени. Прекрасную героиню следовало отнять у похитителя, пришельца из иного мира, и возвратить «своему» герою из мира людей. Поэтому еще в древности волшебные сказки такого типа сложились в основном как

---

¹ В своем анализе китайских волшебных сказок автор следовал теоретическим работам В. Я. Проппа и Е. М. Мелетинского.

повествования о хождении героя в подземное царство, где с помощью волшебства он вызволяет свою невесту и благополучно возвращается с ней домой. В поздних вариантах сюжет этот значительно изменен. Путешествие героя в подземное царство замещено в сказке «Как юноша любимую искал» хождением на далекий остров посреди моря. В сказке про братьев У-гэна и Ши-е орел уносит девушку к себе в логово, в глубокую темную пещеру на высокой горе. А ведь в Средние века китайцы как раз и представляли себе ад расположенным в глубокой пещере на вершине горы. Похититель в облике орла тоже едва ли случаен. У соседних с китайцами тунгусо-маньчжурских и тюрко-монгольских народов сохранился культ орла — родоначальника шаманов, который, по народному поверью, мог вступать в связь с женщинами и был непременным сопровождаем шаманов в их странствиях по подземному миру. Сами китайцы эту могучую птицу до сих пор именуют «лаоин» — «почтенный орел».

Герою, отправившемуся на поиски невесты в подземное царство, предстоит пройти длинную цепь испытаний: встретиться с охранительницей входа в подземное царство (в русской сказке это Баба-яга), у нее вкусить ритуальной еды, переправиться через водную преграду и лишь после этого вернуться в мир людей.

Путешествие в подземное царство обычно начинается с переправы через водную преграду, которую охраняет водный змей, огромная рыба или другое чудище. Герой добывает волшебное средство, убивает чудище, затем переправляется через море или реку, причем преодолевает он водную преграду с помощью тех предметов или животных, которые связаны с погребальными обрядами, отражающими древнейшие представления о пути умершего в иной мир. Чжан Шуаню из сказки «Как юноша любимую искал» также предстоит переправиться через море на остров, где томится его возлюбленная. Но море стережет черная рыба. Чтобы убить ее, Чжан Шуаню надо добыть волшебный меч. А чтобы добыть меч, ему предстоит пройти сквозь огонь. (В первобытные времена одним из основных видов обряда посвящения юноши во взрослого мужчину было реальное

или символическое испытание огнем. Причем сам обряд этот мыслился как временное нисхождение в потусторонний мир.) С волшебным мечом в руках юноше уже нетрудно убить похитителя — рыбу-оборотня и, отведав магический персик, переправиться через море. Персик, по поверьям китайцев, дарует бессмертие. Согласно мифическим сказаниям, персики росли в саду Си Ван-му — Хозяйки Запада, то есть владычицы иного мира. Еще и сейчас, если вы зайдете в китайский храм, то увидите перед табличками с именами умерших предков жертвенные плоды — сделанные из плотной бумаги персики.

В мир людей герой возвращается с помощью чудесного помощника, друга, которого он обретает в подземном царстве, оказав ему немаловажную услугу. Так, в сказке про братьев У-гэна и Ши-е герой возвращается в мир людей с помощью карпа. Случайно ли, что в китайской сказке помощником оказывается карп? Чудесный помощник как образ сказки сложился, видимо, на основе представлений первобытного человека о помощнике — тотеме рода, повелевавшем стихиями. Одним из наиболее распространенных тотемов у племен, населявших территорию современного Китая и близлежащих стран, был дракон. Карп считался царем рыб, и его почитали наравне с драконом. Позднее, в IV–VI вв. н. э., когда у китайцев сложился образ царя драконов, карп стал считаться его сыном.

В древний сюжет о похищении невесты постепенно добавлялись новые элементы. В сказке про У-гэна и Ши-е, например, эти поздние черты проявляются главным образом в зачине (известно, что именно зачины сказки легче всего поддаются переделкам и видоизменениям). Здесь древний сюжет — похищение девушки — как бы обрамлен историей двух братьев, ленивого У-гэна и трудолюбивого Ши-е. А сцена знакомства героя с красавицей, дочерью богача — горожанина Чжана, которому он носит на продажу хворост, — это типичная картинка жизни уже феодального Китая.

Очень распространены у китайцев сказки о чудесной жене. В сказке «Волшебная картина» герой женится на девице, сошедшей с картины, в другой сказке женой оказывается де-

ва-пион, в третьей — Нефритовая фея, дух персикового дерева, в четвертой — девушка-лотос, в пятой — девица-карп. Древнейшая основа всех этих сказок — брак с тотемной женой. Женидьба на деве-тотеме мыслилась в глубочайшей древности как способ овладеть природными богатствами, которыми она якобы распоряжалась. Яснее всего эта древняя основа проглядывает в сказе «Женьшень-оборотень», героиня которого — чудесная дева — указывает любимому месту, где растет целебный корень.

Брак с тотемной девой в сказках часто и легко расторгается из-за нарушения каких-либо брачных запретов. Так, кстати, происходит в сказе о женьшеневой деве. Следует сказать, что сюжет этот дошел до нас в сильно измененном виде. Здесь уже появляются феодальный город, харчевня, присутственное место, уездная управа. Весь этот фон удивительно напоминает средневековую городскую повесть. Именно под ее влиянием, видимо, и изменился архаический сказочный сюжет.

Еще бóльшие изменения под влиянием социальных условий претерпел сюжет сказки «Сад Нефритовой девы». Ее герой, бедный каменотес, встречает деву — дух персикового дерева. Она не дарит ему реально никакого особого «производственного могущества», лишь помогает каменотесу избавиться от тяжелой повинности и наказывает стражника, поднявшего на него руку. В древности китайцы наделяли персиковое дерево свойством отгонять нечистую силу. В поздней сказке фея — дух персикового дерева — тоже отвращает от юноши злую силу, но теперь уже вполне реальную: чиновников и стражников.

Во всех сказках, записанных в наше время, тотемная дева превратилась в деву-оборотня. Произошло это, видимо, под влиянием очень распространенной в странах Дальнего Востока веры в оборотней: всякий старый предмет или долго проживший зверь может принять человеческий облик: забытый за шкафом веник через много лет может-де превратиться в веник-оборотень, зверь, проживший тысячу лет, становится белым, а проживший десять тысяч лет — черным, — оба обладают магической способностью к превращениям. Вера

в животных-оборотней в народе была настолько живуча, что даже в энциклопедии ремесел и сельского хозяйства в XV веке с полной серьезностью говорилось о способах изгнания лисиц-оборотней: достаточно ударить оборотня куском старого, высохшего дерева, как он тотчас примет свой изначальный вид.

Вера в оборотней сохранилась в Китае во многом благодаря религиозному даосизму, сложившемуся в первых веках нашей эры. Даосы включили в свой культ образы так называемой низшей мифологии (духи стихий, оборотни, неприкаянные души умерших). Даосские монахи заступили место древних шаманов. Их приглашали к больным для изгнания духа болезни или для очищения дома от наваждения. Но в сказках оборотни далеко не всегда персонажи отрицательные. Женьшеневая дева, например, говорит, своему возлюбленному, что никогда не причиняла людям зла, хоть она и оборотень. Такая двойственность сказочного образа родилась из сочетания древнейших представлений о тотемной жене, помогающей тому, кто вступает с ней в связь, с более поздними повериями об оборотнях-цзин, завлекающих людей и вредящих им.

Сравнивая развитие сказок о чудесной жене на Дальнем Востоке с такими же сказками других народов, скажем европейских, следует отметить, что тут эволюция сюжета пошла несколько иным путем. В Европе эти сказки превратились в повествования о женитьбе героя на обычно заколдованной прекрасной царевне, которая дает герою уже не магическую власть над природой, а право на престол, то есть власть над людьми. Разные пути развития одного исходного сюжета определили и принципиальные различия всего антуража сказки. В сказках китайцев нет пышности, красочного описания царской жизни, герои и героини живут не во дворцах, а в бедных крестьянских хижинах.

Есть среди волшебных сказок сказки об испытаниях зятя в царстве тестя. В сказке «Небесный барабан» герой женится на небесной фее, но союз этот быстро расторгается, так как отец уводит фею на небо и запирает в небесной тюрьме. Чтобы вернуть жену, юноша должен пройти в царстве тестя

длинную цепь брачных испытаний, которые не прошел до женитьбы, нарушив тем самым брачный ритуал. Лишь выполнив все задачи, которые ему задает тесть, юноша может вновь соединиться со своей небесной супругой.

Хорошо знакомы читателю сказки о победе обездоленного героя над своим противником, обычно злым и жадным старшим братом и его женой, над отчимом или мачехой. В китайской «Сказке про младшего брата» ярко выражена характерная для фольклора многих народов идеализация младшего члена семьи как хранителя семейного очага и родовых традиций. Младший брат оказывается удачливее старшего потому, что ему достается хотя и малая, но чрезвычайно важная часть родительского наследства. В нашем варианте сказки, записанном на полуострове Шаньдун, младший брат получает кусок тощей землицы, петуха да собаку, на которой пашет. Пахота на собаке — это, видимо, переосмысленное древнейшее представление о тотемном предке (известно, что у многих родственных китайцам народов, живших к югу от Янцзы, тотемом была именно собака, и потому их первопредок изображался в облике пса), от которого зависит плодородие. Злой старший брат убивает и собаку, и петуха, младший закапывает их, и не где-нибудь, а перед своим жилищем, то есть на родовой земле. Из их костей вырастает чудесный вяз с листьями-монетами. На популярных еще недавно народных лубках часто можно было видеть изображение яоцяньшу — «дерева, отряхающего монеты». Вспомним, что и в русской сказке о падчерице чудесный сад вырастает из костей коровы, покровительницы обездоленной героини. В основе этого известного у всех народов мотива лежат, видимо, древние поверья о ритуальном умерщвлении животных, из которых вырастают различные полезные растения. Разумеется, китайский сказочник нашего времени не имеет представления об архаической основе сюжета. Для него эти древнейшие мотивы лишь привычные поэтические образы сказочного мира.

Кроме сложной архаической основы китайских волшебных сказок, следует также сказать о других древнейших их чертах. Речь идет о числовой и цветовой символике, а так-

же о национальной системе ориентации во времени и пространстве. Девяносто девять рек облетел Тянь-тай — герой сказки «Портрет девушки из дворца», тысячу раз по девятьсот девяносто девять верст промчался он, прежде чем нашел волшебную ухвертку. Производные от цифры девять постоянно встречаются и в других сказках. По древним представлениям девятка была основным нечетным (или как называли китайцы — мужским) числом. В китайских сказках вообще преобладают нечетные числа. Например, в обозначении количества героев — пять сестер, семеро братьев.

Наиболее часто встречаются в китайских сказках зеленый и красный цвета; зеленый — цвет растительности и, соответственно, весны, красный — цвет огня, созревающих плодов, а значит, и лета. Оба эти цвета символизировали в сознании китайцев течение жизни, недаром, видимо, когда в сказке о собаке и кошке звери приходят в дом торговца, они видят там людей в красном и в зеленом — в доме готовятся к свадьбе. Известно, что в некоторых южных провинциях Китая жениха несут в зеленом паланкине, а невесту в красном.

Темный и черный цвета, напротив, ассоциировались, по всей вероятности, с загробным миром, хотя у китайцев были и другие ассоциации, связанные с черным цветом, положительные.

В сказках мы постоянно сталкиваемся с обозначениями сторон света. Спустившийся с небес бессмертный старец советует героям сказки «Жены в зеркале» обратиться к юго-западу, чтобы увидеть суженых им невест; в сказке «Женщина-лисица» девушка-оборотень, прощаясь, наказывает своему возлюбленному, чтобы он шел искать ее на юго-запад. Юго-запад упомянут тут явно не случайно. В древнекитайской гадательной «Книге перемен» (VIII–VII вв. до н.э.) говорится: «Благоприятен юго-запад, там свидишься с добрым человеком». Представление о юго-западе как о стороне, где должна состояться приятная герою встреча, сохранилось в народе и поныне. «Неблагоприятен северо-восток», — читаем мы в той же книге и понимаем, что также не случайно злой дракон в сказке «Лис-оборотень» прилетает с северо-востока. Особо следует сказать о западе. Там нахо-

дилось, по древним представлениям, царство мертвых. «Вернуться на запад» означало по-китайски «умереть», и, когда старуха в сказке «Отворитесь, ворота каменные!» указывает героям путь на запад, они и попадают в иной мир, находящийся в горной пещере. Когда героиня сказки «Волшебная картина», которую унес злой оборотень, наказывает передать любимому, чтобы искал ее в Западной стране, — это значит, что он должен отправиться в страну мертвых.

События в китайских сказках часто связаны с какими-либо датами — обычно праздниками старого сельскохозяйственного календаря. Удивительные приключения происходят с героями или в Новый год, или в праздник фонарей, или в особые дни поминовения усопших предков (об этих праздниках подробно рассказано в комментариях к книге). По этим праздникам ведется в сказке счет течению времени в мире людей. В ином мире и время другое — это четко осознается сказочниками. Вроде бы совсем недолго пробыли в другом мире муж и жена из сказки «Отворитесь, ворота каменные!», а на земле «не век и не два минуло».

Волшебные сказки китайцев, как и некоторых других дальневосточных народов, отличаются особой «приземленностью» сказочной фантастики. Действие в них никогда не происходит в некотором царстве, тридесятм государстве, все необычное, наоборот, случается, с героем рядом, в родных и знакомых сказочнику местах. Большую часть вошедших в сборник волшебных повествований записали фольклористы Дун Цзюнь-лунь и Цзян Юань в глухом уезде Ишань провинции Шаньдун. Здесь же, в Ишаньских горах, случаются с героями сказок всякие чудеса. Но дело не только в более или менее точной локализации места действия сказки, а и в чрезвычайно характерном сочетании в них сложного вымысла с реальным бытом героев. Самое невероятное часто выписывается с такими подробностями, чисто бытовыми, а подчас и натуралистическими, что перестает казаться таким уж невероятным. Именно в этом, как представляется нам, принципиальное отличие сказочной фантастики китайцев от безудержной и совсем не приземленной фантастики индийских или, например, арабских сказок.